

Влияние китайско-американского соперничества на безопасность в Персидском заливе

Н.Н. Бобкин

Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН)

Стратегические и экономические интересы Пекина, а также необходимость в стабильных поставках энергоресурсов укрепили сотрудничество между КНР и странами Персидского залива. Эта система характеризуется сложной архитектурой взаимосвязей, включающей в себя не только прямые торговые потоки, но и политические альянсы, инвестиционные проекты и инфраструктурные инициативы. Рост влияния Китая и ослабление позиций США могут существенно изменить военно-политическую ситуацию. Прибрежные арабские государства, несмотря на исторически сложившиеся тесное сотрудничество с США, стремятся избежать однозначного выбора между Вашингтоном и Пекином. Цель исследования — определить, как стратегическое соперничество между США и КНР, которое представляет собой сложный комплекс взаимодействий, где у каждой стороны свои роли и стратегии, влияет на международные отношения и безопасность в субрегионе Персидского залива. Для этого автор оценивает изменения в концептуальных подходах руководства США к стратегической конкуренции с КНР, а также рассматривает основные принципы внешней политики Китая, которые позволяют ему усиливать влияние в субрегионе. Далее анализируется, как напряжённость между Саудовской Аравией и Ираном воздействует на региональную стратегию КНР и, как следствие, на отношения между Вашингтоном и Пекином. Анализ влияния соперничества США и Китая на стратегии ОАЭ проводится как в контексте двусторонних отношений, так и в региональном аспекте. Особое внимание уделяется тому, как Эмираты поддерживают баланс в отношениях с этими странами и укрепляют свои позиции в качестве регионального лидера. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что Пекин усиливает свои позиции в Персидском заливе благодаря собственной политике и важной геополитической тенденции, которая отражает формирование многополярности в этом субрегионе. В условиях растущей конкуренции между великими державами Китай демонстрирует способность эффективно участвовать в региональных делах. Государства Персидского залива не хотят делать выбор между США и Китаем, а стремятся сохранить свою независимость. Однако в вопросах обороны и безопасности они вынуждены полагаться на помощь Соединённых Штатов.

Ключевые слова: стратегическое соперничество между США и Китаем, биполярность и многополярность, региональные отношения, государства Персидского залива, Иран, безопасность

УДК: 327.5:327.82(73+510:536)

Поступила в редакцию: 20.02.2025

Принята к публикации: 11.06.2025

В международных отношениях XXI в. одной из ключевых проблем является растущее соперничество между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой. Вашингтон стремится сохранить свой статус единственной сверхдержавы в мире, однако подъём Китая бросает вызов гегемонии США. Пекин стремится к созданию многополярного мира, в котором у него будет возможность оказывать влияние, сравнимое с другими странами.

В ответ на эти изменения среди американских политиков сложилось широкое согласие о том, что Ближний Восток больше не является ключевым направлением американской стратегии. В разных администрациях стратегические приоритеты были смещены в сторону Европы и Азии, что отражает общую тенденцию к соперничеству между великими державами на глобальном уровне.

Многие аналитики утверждают, что за последние два десятилетия произошли значительные изменения в ключевых национальных интересах США, которые требуют переориентации на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) для противодействия вызовам, связанным с усилением Китая. Они считают, что именно в Азии необходимо сосредоточить основные военные, экономические и дипломатические ресурсы США (Blackwill, Fontaine 2024).

Выполнение этих намерений периодически прерывалось кризисными явлениями на Ближнем Востоке. Рост ИГИЛ¹, гражданская война в Сирии и обострение отношений с Ираном вынуждали Вашингтон активно вмешиваться в ситуацию в регионе и поддерживать значительное военное присутствие. Это существенно воздействует на международные связи в регионе в целом и в районе Персидского залива в частности, где политика США всё больше сосредотачивается на противодействии растущему влиянию Китая. Данный подход стал не только основой региональной деятельности правительства США, а также ключевым элементом в многочисленных исследованиях американских учёных.

В их числе можно назвать доклад «Соперничество великих держав и конфликт на Ближнем Востоке», в котором представлены итоги исследования конкуренции между США, Китаем и Россией за влияние в регионе (Rhoades, Treyger 2023). В монографии Стивена Кука «Соперничество крупных держав на Ближнем Востоке» сделан вывод, что эпоха, когда США безраздельно доминировали, подошла к концу. Теперь регион открыт для воздействия со стороны не только великих держав, но и крупных государств и региональных соперников (Cook 2021).

Среди работ, опубликованных в последние годы, также можно выделить исследование, проведённое Марком Линчем, который указывает на то, что американская гегемония оказывала значительное влияние на политику Ближнего

¹ Организация запрещена в РФ.

Востока на протяжении многих десятилетий, однако в последнее время это влияние ослабело (Lynch 2024). Джон Альтерман отмечает, что подход США к решению региональных проблем, связанных с Китаем, является деструктивным, поскольку вся вина возлагается на китайскую сторону (Alterman 2024: 12, 14).

Среди китайских специалистов интерес вызывают труды Ню Синьчуня. Изучая сценарии соперничества США и Китая на Ближнем Востоке, он утверждает, что региональные трения между двумя державами до сих пор оставались относительно ограниченными, отчасти из-за диверсифицированных форм взаимодействия (Niu 2022). Этот автор отмечает также, что основные интересы Китая на Ближнем Востоке имеют экономическую составляющую, но не ограничиваются ею. Кроме того, существуют и другие аспекты, политические, стратегические и вопросы безопасности, которые переплетаются и вступают в противоречие с экономическими интересами (Niu 2021). Ню Синьчунь приходит к заключению, что конкуренция с США не является определяющим фактором в формировании внешнеполитического курса Китая на Ближнем Востоке. Однако, по его мнению, глобальное соперничество между Китаем и США оказывает значительное влияние на отношения Пекина с ближневосточными государствами, на которые усиливается давление со стороны США с целью склонить их к выбору между двумя соперничающими сторонами (Niu 2025).

Шэ Ганчжэн анализирует ситуацию на Ближнем Востоке как на глобальном, так и на региональном уровне, учитывая растущее соперничество между Китаем и США (She 2021). Он также исследует роль Персидского залива в долгосрочной перспективе внешней политики Китая. Отмечается, что обострение китайско-американского соперничества, возможное ослабление регионального влияния США и усиление значимости Персидского залива могут побудить Китай к более активному участию в делах региона (Fardella, She 2024).

В данной работе были также использованы результаты исследований Джона Фултона, изложенные в монографии «Отношения Китая с монархиями Персидского залива» (Fulton 2018), а также в научной статье, посвящённой углублению связей Китая с Ираном (Fulton 2021).

В отечественной литературе рассмотрению вопросов, связанных с соперничеством США и КНР, уделяется значительное внимание. Исследователи анализируют современные отношения между двумя странами, их экономическую и военную мощь, а также геополитические интересы и последствия для мирового сообщества. Кроме того, изучается влияние американо-китайских отношений на другие страны и регионы, включая Ближний Восток.

В рамках рассматриваемой темы заслуживает внимания работа И.А. Истомина, в которой анализируется, как США реагируют на усиление Китая (Истомин 2024). В работе С.Г. Лузянина и Ю.Н. Алексеевой изучается китайская политика на Ближнем Востоке в экономическом и политическом аспектах. Особое внимание уделяется роли инициативы «Один пояс, один путь» в укреплении связей с Саудовской Аравией, ОАЭ и Ираном (Лузянин, Алексеева 2024).

В исследовании о взаимодействии Китая со странами ССАГПЗ в энергетике, торговле и инвестициях авторы подчёркивают, что эти отношения выходят за рамки экономики и связаны со стратегическими интересами Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь», что усиливает его влияние в Персидском заливе (Савичева и др. 2022).

Н.Ю. Сурков рассматривает возможность того, что сближение Саудовской Аравии с Китаем и Россией может стать альтернативой стратегическому союзу с США (Сурков 2022). В работах Г.Г. Косача проводится анализ эволюции внешней политики Саудовской Аравии (Косач 2019), а также исследуется трансформация внешней политики королевства, в основе которой лежит противостояние с Ираном (Косач 2022). Исследование, проведённое Т.И. Тюкаевой, посвящено анализу подходов, применяемых Саудовской Аравией, ОАЭ и Катаром в контексте формирования системы регионального и мирового устройства (Тюкаева 2024).

В своём предыдущем изучении современного состояния регионально-го соперничества между США и Китаем на Ближнем Востоке автор пришёл к выводу, что США по-прежнему играют важную роль в регионе. Однако в ближайшие годы Китай будет усиливать своё влияние, особенно благодаря тесным связям Пекина с арабскими государствами Персидского залива и Ираном (Бобкин 2024).

В данном исследовании предпринимается попытка переосмыслить процесс формирования стратегического противостояния между двумя державами — Китаем и США — и его влияние на их внешнеполитические стратегии и военную политику в контексте перехода к многополярному мироустройству. Для достижения этой цели проводится анализ ключевых аспектов китайско-американских противоречий в отношениях с государствами Персидского залива, исследуется их динамика в контексте современных реалий, оценивается текущее состояние американо-китайского соперничества и определяются возможные направления развития.

Завершение эпохи однополярного мира, находившегося под эгидой Соединённых Штатов, и продолжающийся процесс перераспределения влияния в международной системе представляют собой ключевые факторы, способствующие возрождению конкуренции между крупнейшими державами. В работе анализируется, приведёт ли это соперничество в регионе Персидского залива к продолжению конкурентного сосуществования или же оно может усилить конфронтацию. Хотя конфликт и не является неизбежным, важно осознавать вероятность его возникновения и понимать, как можно предотвратить нарастание напряжённости.

Автор следовал парадигме неореализма, включая теорию баланса сил и региональных комплексов безопасности. Этот подход предполагает, что внешняя политика государства определяется логикой международной системы и распределением силы между странами. Теория «властного транзита» также оказалась

полезной. Она помогла лучше понять роль и место Китая, который превращается в сверхдержаву на мировой арене. Для комплексного анализа исследуемых вопросов был применён междисциплинарный подход, интегрирующий теоретические и эмпирические знания из различных научных областей. В рамках данного исследования использовались общенаучные методологические инструменты, такие как методы анализа и синтеза, классификация и ранжирование, а также системный и структурный подходы. Это позволило не только расширить методологическую базу исследования, но и выявить новые тенденции в динамике международных отношений и безопасности в исследуемом субрегионе.

Эволюция американских стратегий в отношении конкуренции с Китаем

Завершение эпохи однополярного мира, где доминировали США, и продолжающийся процесс перераспределения власти в международных отношениях привели к возрождению соперничества между великими державами. Эта эпоха представляет собой конкуренцию великих держав из трёх государств, где США, Китай и Россия борются за международный статус и власть, и где траектория относительной власти от долго доминировавшей Америки к любому из соперников остаётся незавершённой и далеко не определённой. Тем не менее в последние годы аналитики всё чаще говорят о конкуренции великих держав (*Great Power Competition*). Для описания этого процесса используются разные термины: «геостратегическая конкуренция», «всеобъемлющая конкуренция», «соперничество великих держав» и другие². Эти дискуссии, помимо разнообразия мнений, демонстрируют, что мы наблюдаем трансформацию в мировом порядке, а также подчёркивают важность конкуренции как ключевого фактора в современной геополитической обстановке.

В США после окончания Холодной войны осознали новую реальность, когда подъём Китая стал особенно заметен. Процесс стартовал с избрания Барака Обамы в 2008 г., когда он стремился сократить американское присутствие на Ближнем Востоке, и ему удалось вывести войска из Ирака. Госсекретарь Хиллари Клинтон предложила «разворот» в сторону Азии, что стало удобным предлогом для этого³. США планировали усилить свои позиции по шести ключевым направлениям⁴: укрепить двусторонние альянсы в сфере безопасности, углубить сотрудничество с новыми мировыми державами, включая Китай, активизировать взаимодействие с региональными многосторонними институтами, расширить торговые и инвестиционные связи, создать масштабное

² О применении термина “great power competition” в XXI в. см.: Friedman U. 2019. The New Concept Everyone in Washington Is Talking About. *The Atlantic*. 06.09. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2019/08/what-genesis-great-power-competition/595405/> (accessed 30.01.2025).

³ Clinton H. 2011. America's Pacific Century. *Foreign Policy*. 11.11. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed 30.01.2025).

⁴ Ibid

военное присутствие и продвигать демократические ценности и права человека. Однако администрация Обамы не планировала в полной мере переходить к стратегическому соперничеству с Китаем. В том числе, это было связано с надеждой на то, что стратегия вовлечения Китая в международные процессы принесёт свои плоды и сделает Пекин «ответственным участником международной системы» (Zoellick 2020).

Тем не менее концепция конкуренции великих держав оказала заметное влияние на политику администрации Обамы. В 2014 г. министр обороны Чак Хейгел, размышляя об «агрессии России» в Европе и «конкуренции восходящих держав» в АТР, выразил беспокойство, что «устойчивые и возрастающие державы бросают вызов мировому порядку, который американское лидерство помогло создать после Второй мировой войны»⁵. К 2015 г. заместитель министра обороны Роберт Уорк регулярно говорил о «конкуренции великих держав», подчёркивая свои усилия по поддержанию военного превосходства над противниками⁶.

Однако многие республиканцы выражали недовольство тем, что Обама воздерживался от более чёткого обозначения конкурентных целей в отношениях с Пекином, в частности, не планировал дополнительного размещения американских войск⁷. Поворотный момент наступил с избранием Дональда Трампа, который выражал недовольство политикой американских лидеров, обвиняя их в слабости и отсутствии решительности в мире, где каждый стремится защитить свои интересы⁸. Военный теоретик Х.Р. Макмастер стал советником по национальной безопасности, обозначив мир не как «глобальное сообщество», а как «конкурентную арену»⁹. Ему было поручено возглавить разработку Стратегии национальной безопасности (СНБ) администрации Трампа.

Решение сделать вопрос соперничества между крупными государствами одним из основных в новой СНБ было поддержано президентом, высокопоставленными чиновниками его администрации и главами ключевых оборонных ведомств. В СНБ 2017 г. Китай, наряду с Россией, упоминается как «ревизионистская держава», стремящаяся бросить вызов США не только в экономическом и военном отношении, но и путём использования киберпространства и новых технологических достижений¹⁰.

⁵ Reagan National Defense Forum Keynote. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. 2014. *U.S. Department of Defense*. 15.11. URL: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/606635/reagan-national-defense-forum-keynote/> (accessed 30.01.2025).

⁶ Remarks by Defense Deputy Secretary Robert Work at the CNAS Inaugural National Security Forum. 2015. *Center for a New American Security (CNAS)*. 14.12. URL: <https://www.cnas.org/publications/transcript/remarks-by-defense-deputy-secretary-robert-work-at-the-cnas-inaugural-national-security-forum> (accessed 30.01.2025).

⁷ Saunders P.J. 2021. America's Evolving Approach to Great Power Competition. *Valdai Club Foundation*. 17.02. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/america-s-evolving-approach-to-great-power/> (accessed: 30.01.2025).

⁸ Friedman U. 2016. How Donald Trump Could Change the World. *The Atlantic*. 07.11. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/11/trump-election-foreign-policy/505934/> (accessed 30.01.2025).

⁹ McMaster H.R., Cohn G. 2017. America First Doesn't Mean America Alone. *The Wall Street Journal*. 30.05. URL: <https://www.wsj.com/articles/america-first-doesnt-mean-america-alone-1496187426> (accessed 30.01.2025).

В Стратегии национальной обороны (СНО), представленной в начале 2018 г., предлагается аналогичный прогноз, в котором утверждается, что «главным вызовом процветанию и безопасности США является возрождение долгосрочной стратегической конкуренции», в которой противники Америки «хотят сформировать мир в соответствии с их авторитарной моделью — получение права вето на экономические, дипломатические и решения по безопасности других стран»¹¹. Элбридж А. Колби, заместитель помощника министра обороны по стратегии и развитию вооружённых сил, объяснил, что «это не стратегия конфронтации, но это стратегия, которая признаёт реальность конкуренции»¹². Министр обороны США Джеймс Мэттис, комментируя этот документ, подчеркнул, что США продолжают вести кампанию против террористов, но «конкуренция великих держав, а не терроризм, теперь является главным фокусом национальной безопасности США»¹³.

В СНБ и СНО администрации Трампа, тесно увязывая новую эпоху конкуренции великих держав с национальной безопасностью, американские политики подчёркивают, что эта конкуренция прежде всего связана с военным противостоянием с Китаем¹⁴. Однако, несмотря на связь оборонной политики с конкуренцией, она не требует, чтобы военные действия были её главным приоритетом, подчёркивается, что государства сами решают, как эту конкуренцию интерпретировать (Wendt 1992).

В начале 2021 г. администрация президента Джозефа Байдена столкнулась с новой реальностью усиливающейся глобальной конкуренции великих держав, которая заметно влияла на основные модели геостратегического взаимодействия. Очевидно, что мир становится всё более многополярным, и в нём есть три ведущие державы. Соединённые Штаты занимают лидирующую позицию в этом триумvirате, Китай становится всё более сильным конкурентом, а Россия стремится сохранить своё влияние. В совокупности развивающиеся стратегические цели Китая и России несовместимы с теми, которые были установлены американской властью в эпоху после Второй мировой войны¹⁵.

¹⁰ National Security Strategy of the United States of America. 2017. *Trump White House*. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 30.01.2025).

¹¹ 2018 National Defense Strategy Summary. URL: <https://media.defense.gov/2020/May/18/2002302061/-1/-1/2018-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-SUMMARY.PDF> (accessed 30.01.2025).

¹² Garamone J. DoD Official: National Defense Strategy Will Rebuild Dominance, Enhance Deterrence. *DoD News*. URL: <https://www.jcs.mil/Media/News/News-Display/Article/1419390/dod-official-national-defense-strategy-will-rebuild-dominance-enhance-deterrence/> (accessed 30.01.2025).

¹³ Baron K. 2018. Mattis: Pentagon Shifting Focus to Great Power Competition — 'Not Terrorism'. *Defense One*. 19.01. URL: <https://www.defenseone.com/policy/2018/01/mattis-declares-pentagon-will-shift-focus-great-power-competition-not-terrorism/145305/> (accessed 30.01.2025).

¹⁴ Kausikan B. 2023. Navigating the New Age of Great-Power Competition. *Foreign Affairs*. 12.09. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-great-power-competition-russia-guide> (accessed 30.01.2025).

¹⁵ Garamone J. 2021. Deterrence Ensures Great Power Competition Doesn't Become War, Milley Says. *U.S. Department of Defense*. 07.12. URL: www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2865253/deterrence-ensures-great-power-competition-doesnt-become-war-milley-says/ (accessed 30.01.2025).

Несмотря на то, что Китай и Россия в роли основных конкурентов США часто рассматриваются вместе, две страны с такими существенно разными экономическими потенциалами не могут представлять сопоставимые вызовы для американского доминирования. В этом контексте Китай рассматривается как единственный потенциальный соперник, способный объединить свои экономические, дипломатические, военные и технологические ресурсы для того, чтобы бросить вызов существующей международной системе. Россия же характеризуется как страна, стремящаяся усилить своё влияние в мире и играть более активную роль на международной арене¹⁶. Об этом сказал госсекретарь Энтони Блинкен в своей речи о внешней политике в начале марта 2021 г.: «Вызов, брошенный Китаем, иной. Китай — единственная страна, обладающая экономической, дипломатической, военной и технологической мощью, чтобы серьёзно бросить вызов стабильной и открытой международной системе — всем правилам, ценностям и отношениям, которые заставляют мир работать так, как мы хотим, потому что это в конечном итоге служит интересам и отражает ценности американского народа¹⁷.

Особое внимание администрации Байдена к конкуренции великих держав привело к попытке преодолеть разные подходы в деятельности Госдепартамента и Министерства обороны. В начале 2023 г. Объединённый комитет начальников штабов США выпустил новый документ по стратегии США под названием «Совместная концепция конкуренции» (Joint Concept for Competing)¹⁸. В документе приведена переоценка как необходимости глобального подхода к конкуренции, так и угроз, исходящих от потенциально враждебных России и Китая, и некоторых других государств, таких как Иран и Северная Корея.

Во вступительном слове генерал Милли, председатель Объединённого комитета начальников штабов США, ясно дал понять, что американская стратегия не может быть направлена исключительно на победу в военном смысле. Он процитировал Генри Киссинджера, который отметил: «Цель не в том, чтобы победить, а в том, чтобы увеличить свои возможности и ограничить возможности противника. Важно стремиться к постоянному стратегическому прогрессу¹⁹».

Представленная концепция рассматривает долгосрочную стратегическую конкуренцию как «постоянную и длительную борьбу, которая происходит между двумя или более противниками, стремящимися преследовать несовместимые интересы, не обязательно вступая в вооружённый конфликт друг с другом»²⁰.

¹⁶ Lynch T., Saunders P. 2020. Contemporary Great Power Geostrategic Dynamics: Relations and Strategies. *Strategic Assessment*. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2404308/3a-contemporary-great-power-geostrategic-dynamics-relations-and-strategies/> (accessed 30.01.2025).

¹⁷ Blinken A. 2021. A Foreign Policy for the American People. *Department of State*. 03.03. URL: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people/> (accessed 30.01.2025).

¹⁸ Joint Concept for Competing. 10.02.2023. URL: <https://drive.google.com/file/d/13WAYsbN5fyF-guDZH94UwDwoR1XW-wQQx/view> (accessed 30.01.2025).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

Комментируя это определение, Энтони Кордесман предлагает своё понимание «конкуренции» и «соперничества». По его мнению, соперничество — это отношения между двумя или более субъектами (государствами), которые регулярно конкурируют, в то время как конкуренция — это действие, предпринимаемое для оспаривания господства в определённой области²¹.

Таким образом, как термин «конкуренция великих держав» подразумевает соперничество, окрашенное антагонизмом и враждебностью. Это так, хотя некоторые официальные лица США пытались придать этой концепции позитивный оттенок²². Именно соперничество описывает взаимную конкуренцию между двумя или более государствами за господство. В этом противостоянии XXI в. конкуренция вытесняет сотрудничество и побуждает антагонистов преследовать собственные интересы.

В условиях глобальной конкуренции между великими державами Ближний Восток оказывается одним из наиболее значимых регионов, где эта борьба проявляется особенно ярко. Политики США рассматривают Ближний Восток как арену противостояния между Америкой и Китаем, а также в меньшей степени Россией. Хотя последние администрации США посылали неоднозначные сигналы о повороте в другие регионы мира, американцы занимают лидирующие позиции. Сверхдержава по-прежнему сохраняет своё преимущество в получении, доступе, базировании и пролёте, имея более 34000 человек личного состава по всему региону, а также имеет абсолютное превосходство в экспорте основных видов вооружений²³. Дальнейшее военное присутствие США в регионе теперь рассматривается через призму нарратива о конкуренции великих держав²⁴.

Конкуренция с США и внешнеполитический курс КНР в регионе

Конкуренция великих держав и рост влияния Китая происходят почти одновременно и становятся двумя ключевыми факторами, определяющими политику Пекина на Ближнем Востоке. Однако, в китайском подходе стратегическое соперничество с США не выступает в качестве определяющего фактора при формировании внешнеполитического курса.

²¹ Cordesman A. 2023. The U.S. Joint Chiefs New Strategy Paper on Joint Concept for Competing. *Center for Strategic and International Studies*. 17.03. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-joint-chiefs-new-strategy-paper-joint-concept-competing> (accessed 30.01.2025).

²² McMaster H.R., Cohn G. 2017. America First Doesn't Mean America Alone. *The Wall Street Journal*. 30.05. URL: <https://www.wsj.com/articles/america-first-doesnt-mean-america-alone-1496187426> (accessed 30.01.2025).

²³ Diaaeldin H. 2023. Great Power Competition and Rebalancing Acts in the Middle East. *Al Habtoor Research Centre*. 31.05. URL: <https://www.habtooresearch.com/programmes/great-power-competition-and-rebalancing-acts-in-the-middle-east/> (accessed 30.01.2025).

²⁴ Garamone J. 2021. Great Power Competition Adds to Challenges in Middle East. *DOD News*. 09.02. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2498114/great-power-competition-adds-to-challenges-in-middle-east/> (accessed 30.01.2025).

Высказывается мнение, что решающее значение имеют политические, экономические и военные соображения, обусловленные интересами Пекина в данной части мира (Niu 2022). Вместе с тем стратегическая конкуренция с США оказывает значительное воздействие на взаимоотношения Китая с ближневосточными странами. Перспектива дальнейшего усложнения отношений между Пекином, Вашингтоном и государствами Персидского залива становится всё более явной, и все участники этого процесса сталкиваются с новыми обстоятельствами, которые ведут к пересмотру их стратегий (Zhao 2022).

Для того чтобы усилить своё международное влияние, Китаю необходимо будет тщательно контролировать своё участие в региональных процессах. Это поможет избежать разочарования среди государств региона и минимизировать конфликты с внешними игроками, такими как США и ЕС (Gao, Liu 2020). Это имеет существенное значение, поскольку Ближний Восток приобретает важнейшее значение в формирующемся многополярном мире. Несмотря на то, что обе страны являются наиболее мощными в мире, ни одна из них не настроена объединять ресурсы или активизировать глобальные усилия для решения транснациональных проблем (Winkler 2023).

Не вызывает сомнений, что Китай стал в Персидском заливе полномасштабным конкурентом, способным оспорить экономическое, технологическое и военное лидерство США. Некоторые эксперты критикуют Белый дом за задержку «поворота в Азию», к которому стремились три администрации США²⁵. Но эти оценки упрощают геополитическую ситуацию, игнорируя прогресс Китая в других регионах. В действительности китайская стратегия является глобальной, и методы, применяемые в АТР, используются в других местах, включая Персидский залив.

Китай сыграл ключевую роль в нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией и активно работал с государствами Персидского залива на многосторонних форумах. Например, он возглавил усилия по их включению в западные международные организации, в т. ч. БРИКС²⁶ и ШОС²⁷. Саудовская Аравия и ОАЭ надеются получить экономическую выгоду от более тесных связей с Китаем и Россией в сфере энергетики, но также рассматривают членство в БРИКС как способ ускорить формирование многополярного мирового порядка, более благоприятного для их интересов (Gu 2023).

Несмотря на это, американские администрации стремятся оказывать давление на страны Персидского залива, чтобы те сделали выбор между Вашингтоном и Пекином. Однако эта стратегия не оправдала себя, так как не учитывает

²⁵ Mitchell A. 2019. The Middle East In An Era Of Great Power Competition. *The Hoover Institution*. 12.12. URL: <https://www.hoover.org/research/middle-east-era-great-power-competition> (accessed 30.01.2025).

²⁶ Shepherd Cr. 2023. Six Countries to Join BRICS Group; China Labels Expansion 'Historic'. *The Washington Post*, 24.08. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/08/24/brics-china-russia-expansion/> (accessed 30.01.2025).

²⁷ Janik S. 2020. The Shanghai Cooperation Organization: A Testbed for Chinese Power Projection. *U.S.-China Economic and Security Review Commission*. 12.11. URL: <https://www.uscc.gov/research/shanghai-cooperation-organization-testbed-chinese-power-projection> (accessed 30.01.2025).

реальные изменения в геополитической обстановке в регионе. Страны Персидского залива не хотят отказываться от сотрудничества с другими партнёрами. Наличие разнообразных связей обеспечивает им определённую степень независимости и значительные торгово-экономические преимущества. Эти связи дополняют сотрудничество с Америкой в области безопасности, где США остаются бесспорным лидером, сохраняя широкое военное присутствие в Персидском заливе²⁸ и обеспечивая таким образом стратегическое превосходство над КНР.

В то же время Китай постепенно достигает паритета с США в экономическом, военном и технологическом потенциале. В 2024 г. США имели самую большую экономику с ВВП почти 29 трлн долл., а Китай – вторую с объёмом около 18,5 трлн долл.²⁹. Вашингтон финансирует 40,5% мировых военных расходов, Китай – 10%, Россия – 4,8%³⁰. Несмотря на то, что сила не обязательно трансформируется во влияние в новых геополитических условиях, растущий международный вес Китая становится всё более очевидным.

В 2013 г. Китай выступил с инициативой «Один пояс, один путь», крупнейшей в мире инфраструктурной программой³¹, что изменило его роль на Ближнем Востоке. К 2023 г. 147 стран, представляющих две трети населения и 40% мирового ВВП, приняли участие в этих проектах или заинтересовались ими³². В 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин подписал соглашения о стратегическом партнёрстве с Саудовской Аравией и Ираном с разницей в несколько недель.

Этот подход концептуально отражён в «Арабском политическом документе Китая»³³, в котором он «готов координировать стратегии развития с арабскими государствами, использовать преимущества и потенциалы друг друга, содействовать международному сотрудничеству в области производственных мощностей и укреплять сотрудничество». Центральное место занимает «модель сотрудничества 1+2+3», где «1» представляет энергетику, «2» — строительство инфраструктуры, торговлю и инвестиции, а «3» — ядерную энергетику, спутники и новые источники энергии³⁴. Хотя после публикации «Политический документ Китая по арабским странам» не привлёк значительного внимания из-за отсутствия подробностей, он отражает практические тенденции во взаимодействии Пекина с арабскими государствами.

²⁸ Masters J., Merrow W. 2024. U.S. Troops in the Middle East: Mapping the Military Presence. *Council on Foreign Relations*. 01.10. URL: <https://www.cfr.org/article/us-troops-middle-east-mapping-military-presence> (accessed 30.01.2025).

²⁹ The 20 Countries with the Largest Gross Domestic Product (GDP) in 2024. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/268173/countries-with-the-largest-gross-domestic-product-gdp/> (accessed 30.01.2025).

³⁰ The Military Balance 2024: Features. *International Institute for Strategic Studies (IISS)*. URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/> (accessed 30.01.2025).

³¹ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. 2023. *China's State Council Information Office*. 10.10. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202310/t20231010_773734.html (accessed 30.01.2025).

³² Countries of the Belt and Road Initiative (BRI). 2023. *The Green Finance & Development Center*. December. URL: <https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-road-initiative-bri/> (accessed 30.01.2025).

³³ China's Arab Policy Paper. 2016. *State Council of the People's Republic of China*. January URL: https://english.www.gov.cn/archive/publications/2016/01/13/content_281475271412746.htm (accessed 30.01.2025).

³⁴ Ibid

Публикация документа предваряла первую поездку Си Цзиньпина на Ближний Восток в январе 2016 г., в ходе которой он посетил Саудовскую Аравию, Египет и Иран. Этот визит стал первым примером личного участия китайского лидера в государственной дипломатии в этом регионе³⁵. Переговоры председателя КНР в Эр-Рияде и Тегеране подчёркивали, что Китай демонстрирует невмешательство и уважение к отдельным странам. Было очевидно, что Пекин ставит стабильность в ПЗ превыше всего, отказываясь от поддержки своего давнего союзника Ирана в противостоянии с Саудовской Аравией.

Взаимодействие Китая с регионом всё больше распространяется на сферу безопасности. В сентябре 2022 г. Министерство иностранных дел Китая провело Второй форум по безопасности «Продвижение новой архитектуры безопасности на Ближнем Востоке». Глава внешнеполитического ведомства Ван И представил предложение из четырёх пунктов, включая «новую концепцию, базирующуюся на общей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности, поощрении регионального доминирования, основанного на местной власти, приверженности принципам Устава ООН и диалогу»³⁶.

Китай проявляет осторожность, стремясь поддерживать хорошие отношения с ключевыми региональными державами. Он утверждает, что его дипломатия основывается на принципах невмешательства во внутренние дела других стран³⁷. Эти принципы, как надеется Китай, сделают его более привлекательным партнёром, чем США или европейские страны, которые связывают свою помощь с соблюдением прав человека и допускают внешнюю критику внутренних дел стран Персидского залива. Сохраняя дистанцию от внутренних дел своих партнёров, Пекину удалось выработать сбалансированный подход к Ирану и Саудовской Аравии.

Конкурирующие роли Ирана и Саудовской Аравии в стратегии Китая

Китай стал первой страной, лидер которой посетил Тегеран после подписания Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД)³⁸ и его одобрения в ООН³⁹. Это событие имело ряд последствий, одним из которых стало растущее беспокойство Эр-Рияда относительно региональных амбиций Ирана.

³⁵ Xi Jinping in the Middle East, Treading New Ground. 2016. *China Daily*. 20.01. URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2016xivisitmiddleeast/2016-01/20/content_23170456.htm (accessed 30.01.2025).

³⁶ Gering T. 2023. Full Throttle in Neutral: China's New Security Architecture for the Middle East. *Atlantic Council*. 15.02. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/full-throttle-in-neutral-chinas-new-security-architecture-for-the-middle-east/> (accessed 30.01.2025).

³⁷ Full Text: China and the World in the New Era. 2019. *The State Council, The People's Republic of China*. 27.09. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201909/27/content_WS5d8d80f9c6d0bcf8c4c142ef.html (accessed 30.01.2025).

³⁸ Joint Comprehensive Plan of Action, Vienna, 14 July 2015. *UN Security Council*. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/225/49/pdf/n1522549.pdf> (accessed 30.01.2025).

³⁹ Resolution 2231 (2015) on Iran Nuclear Issue. *UN*. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/content/2231/background> (accessed 30.01.2025).

Как и другие участники СВПД, Китай стремился снизить напряжённость и предотвратить гонку ядерных вооружений. Однако сочетание различных факторов обострило саудовско-иранское соперничество⁴⁰, которое к 2016 г. распространилось по всему региону и привлекло новых союзников, повышая риск вооружённой конфронтации.

Страны Персидского залива были непреклонны в своём требовании, чтобы любое соглашение с Ираном выходило за рамки исключительно ядерной проблематики и охватывало также вопросы, связанные с ракетной программой Тегерана и его действиями, дестабилизирующими обстановку в регионе. Они выражали обеспокоенность тем, что Иран, воспользовавшись смягчением санкций, может усилить своё влияние, что, в свою очередь, привело к эскалации гонки вооружений в регионе (Borck 2021).

В период с 2015 по 2016 г. Саудовская Аравия занимала четвертое место среди стран с самыми значительными военными расходами после США, Китая и России. В 2016 г. она выделила на оборону 63,7 млрд долл.⁴¹, в то время как оборонный бюджет Ирана составлял лишь пятую часть от этой суммы, не превышая 12,5 млрд долл. Крупные поставки оружия из Китая в Иран, которые в 2012 г. сократились до менее 30 млн долл., перед визитом Си Цзиньпина в Тегеран в 2016 г. полностью прекратились⁴².

Китай сталкивается с серьёзной задачей поддержания баланса в отношениях с Ираном и Саудовской Аравией. Это обусловлено его высокой зависимостью от импорта энергоносителей из этих стран. С одной стороны, Пекин опасается возможного давления со стороны Соединённых Штатов на монархии Персидского залива с целью прекращения поставок нефти в Китай. С другой стороны, это повышает значимость поставок нефти из Ирана, который Китай рассматривает как страну, способную противостоять влиянию США. В 2023 г. регион обеспечил почти половину всего китайского импорта сырой нефти⁴³.

Ограничения, введённые Соединёнными Штатами в отношении экспорта иранской нефти, наглядно демонстрируют, насколько Китай зависит от поставок углеводородов из стран Персидского залива. Эти опасения Китая получили подтверждение после выхода США из СВПД и возобновления санкций на поставки нефти из Ирана⁴⁴. Импорт нефти из Саудовской Аравии

⁴⁰ Riedel B. 2016. What the Iran Deal Has Meant for Saudi Arabia and Regional Tensions. *The Brookings Institution*. 13.07. URL: <https://www.brookings.edu/articles/what-the-iran-deal-has-meant-for-saudi-arabia-and-regional-tensions/> (accessed 30.01.2025).

⁴¹ World Military Spending: Increases in the USA and Europe, Decreases in Oil-Exporting Countries. 2017. *SIPRI*. 24.04. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2017/world-military-spending-increases-usa-and-europe> (accessed 30.01.2025).

⁴² Iran & China: Military Ties. 2023. *The United States Institute of Peace*. 28.06. URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/jun/28/iran-china-military-ties> (accessed 30.01.2025).

⁴³ Downs E. 2024. China-Middle East Energy Relations. *Center on Global Energy Policy, Columbia University*. 19.04. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2024-04/Erica_Downs_Testimony.pdf (accessed 30.01.2025).

⁴⁴ Иран, несмотря на санкции США, остаётся третьим по величине экспортером нефти в Китай после Саудовской Аравии и России.

удвоился с августа 2018 г. до июля 2019 г., достигнув рекорда в 1 802 788 барр./день⁴⁵. Вероятно, в Пекине испытывают тревогу по поводу того, что страна слишком сильно полагается на один источник энергии⁴⁶.

В конце 2022 г. Си Цзиньпин вновь посетил регион, где в Саудовской Аравии состоялся первый саммит между Китаем и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Стороны приняли пятилетний план действий по развитию сотрудничества в 15 ключевых областях, включая политические и безопасные диалоги, экономическое партнёрство и культурное взаимодействие. Заключительное коммюнике саммита вызвало недовольство Ирана⁴⁷. В нём подчёркивалось⁴⁸, что отношения между странами должны основываться на международных нормах и разрешении споров мирными средствами.

На форуме Си Цзиньпин представил обновлённую стратегию Пекина в отношении ССАГПЗ⁴⁹. Китай предложил новое энергетическое уравнение для импорта нефти и газа через Шанхайскую биржу в китайской валюте. Пекин также выступил с инициативой открыть новые области для инвестиционного и финансового сотрудничества с использованием Системы трансграничных межбанковских платежей⁵⁰ для расчётов на основе юаней при бартере национальных валют.

В Соединённых Штатах намерения Пекина были расценены как потенциальная опасность для их глобальных интересов. Многие аналитики полагают, что если Китай сможет исключить использование доллара в международных финансовых операциях, это способно вызвать серьёзные сдвиги в мировой экономике и геополитической ситуации⁵¹. Кроме того, призывы главы КНР к активизации инновационного и технического сотрудничества, включая создание совместных центров для развития 5G и 6G-коммуникаций, а также к партнёрству в области космических исследований и спутниковых технологий, также были расценены в Вашингтоне как вызов их интересам.

⁴⁵ Nephew R. 2018. The US Withdrawal from the JCPOA: What to Look out for over the Next Year. *Center on Global Energy Policy, Columbia University*. November. URL: https://www.energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/pictures/FiveThingsComingUpranSanctions-CGEP_Commentary_110518.pdf (accessed 30.01.2025).

⁴⁶ Saudi Arabia is Dramatically Changing Its Oil Exports to China and the US. 2019. *CNBC*. 15.08. URL: <https://www.cnbc.com/2019/08/15/saudi-arabia-dramatically-changing-its-oil-exports-to-china-and-the-us.html> (accessed 30.01.2025).

⁴⁷ Iran summons China envoy over islands dispute statement with UAE. 2022. *Al Jazeera*. 11.12. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/12/11/iran-summons-china-envoy-over-disputed-islands-with> (accessed 30.01.2025).

⁴⁸ Joint Statement at the Conclusion of the Saudi-Chinese Summit. 2022. *Ministry of Foreign Affairs of Saudi Arabia*. 09.12. URL: <https://www.mofa.gov.sa/en/ministry/statements/Pages/Joint-Statement-at-the-Conclusion-of-the-Saudi-Chinese-Summit.aspx> (accessed 30.01.2025).

⁴⁹ Aluwaisheg A. 2022. China and the GCC Plan for a Brighter Future in the Gulf. *Arab News*. 13.12. URL: <https://www.arab-news.com/node/2215611> (accessed 30.01.2025).

⁵⁰ Cross-border Interbank Payment System. *CIPS News Center*. URL: <https://www.cips.com.cn/cipsenmobile/7242/7256/34009/index.html> (accessed 30.01.2025).

⁵¹ Liu. Z. 2024. China Wants to Ditch the Dollar. *NOEMA*. 11.01. URL: <https://www.noemamag.com/china-wants-to-ditch-the-dollar/> (accessed 30.01.2025).

Визит Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию стал ярким примером стремительного роста китайско-саудовских отношений, что вызвало беспокойство у Тегерана. В ответ на это президент Ирана Эбрахим Раиси посетил Пекин в феврале 2023 г.⁵². Приглашение Раиси можно расценивать как стремление Китая предложить аналогичные перспективы сотрудничества иранской стороне.

Пекин и Тегеран заключили ряд соглашений, направленных на достижение целей в области двусторонней торговли и инвестиций. Страны основывались на ранее достигнутых договорённостях в рамках 25-летнего соглашения о стратегическом партнёрстве, подписанного в 2021 г.⁵³, в процессе реализации которого возникали трудности. Китайские инвесторы вложили всего 162 млн долл. в первый год президентства Раиси⁵⁴, несмотря на обещания в 400 млрд долл. инвестиций на 25 лет.

Анализируя взаимоотношения Ирана, Китая и Саудовской Аравии, можно выделить два ключевых аспекта. Во-первых, Китай стремится выступить в роли посредника между этими странами, стремясь развивать отношения с арабскими государствами Персидского залива без опасения столкнуться с негативной реакцией иранского руководства. Во-вторых, нестабильность и угроза военных действий сдерживают китайские инвестиции в Иран, создавая потенциальную угрозу для экономических интересов Китая в регионе. В этой обстановке Китай активно стремится к примирению между Эр-Риядом и Тегераном.

В марте 2023 г. Китай усилил свои позиции в регионе после подписания соглашения о примирении между Саудовской Аравией и Ираном⁵⁵. Хотя Пекин не был главным участником переговоров, его влияние на Тегеран и Эр-Рияд, в сочетании с политикой «нулевых врагов», сделало его подходящим кандидатом для обеспечения сделки. Ключевое значение имела политика президента Раиси, известная как «Взгляд на Восток», которая характеризуется особым вниманием к соседним странам. Она находит своё отражение в официальных концепциях Тегерана, таких как «политика соседства» и «азиатская политика»⁵⁶. Это не только способствовало повышению устойчивости Ирана к санкциям со стороны США, но и расширило геополитическое пространство для Тегерана в международных отношениях⁵⁷.

⁵² Xi Jinping Holds Talks with Iranian President Ebrahim Raisi. 2023. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 14.02. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zzjg_663340/yzs_663350/xwlb_663352/202302/t20230216_11025776.html (accessed 30.01.2025).

⁵³ The Iran-China Comprehensive 25-Year Comprehensive Strategic Partnership: Challenges and Prospects. *International Institute for Iranian Studies*. URL: <https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploads/sites/2/2021/04/The-Iran-China-25-Year-Comprehensive-Strategic-Partnership-Challenges-and-Prospects.pdf> (accessed 30.01.2025).

⁵⁴ Iran's Raisi Leads Large Delegation in First State Visit to China. 2023. *Al Jazeera*. 17.02. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/2/13/irans-raisi-heads-large-delegation-in-first-state-visit-to-china> (accessed 30.01.2025).

⁵⁵ Joint Trilateral Statement by the People's Republic of China, the Kingdom of Saudi Arabia, and the Islamic Republic of Iran. 2023. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 10.03. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367487.html (accessed 30.01.2025).

⁵⁶ President Raisi at 1402 Nowruz Speech: 'Neighborhood Policy' and 'Balanced Diplomacy' will Continue in 1402. 2023. *Government of the Islamic Republic of Iran Official Website*. 22.03. URL: <https://irangov.ir/detail/409068> (accessed 30.01.2025).

Процесс постепенного сближения арабских монархий с Ираном продемонстрировал большую устойчивость, нежели предполагалось. Единственным государством в Персидском заливе, которое не восстановило в полной мере отношения с Тегераном, остаётся Бахрейн. Президент Раиси стал первым руководителем правительства Ирана, посетившим Саудовскую Аравию за более чем десятилетний период. Это событие произошло в контексте участия в саммите Организации исламского сотрудничества (ОИС), который состоялся в Эр-Рияде, спустя месяц после начала конфликта в секторе Газа⁵⁸. Возобновление полноценной работы посольств в Тегеране и Эр-Рияде, а также регулярные встречи официальных лиц Ирана и государств Персидского залива представляют собой редкий случай успеха для сторонников дипломатического урегулирования⁵⁹.

Масуд Пезешкиан, занявший пост президента Ирана после досрочных выборов, последовавших за трагической гибелью его предшественника Эбрахима Раиси в авиакатастрофе в мае 2024 г.⁶⁰, предпринимает активные шаги по укреплению сотрудничества с Китаем и Россией. Это оказывает значительное влияние на усиление напряжённости между Тегераном и странами Запада, в том числе в контексте регионального стратегического соперничества Вашингтона с Москвой и Пекином. Данная тенденция стала очевидной после заключения Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Ираном и Россией в январе 2025 г.⁶¹, который последовал за аналогичным стратегическим соглашением Исламской Республики с Китаем, подписанным в марте 2021 г.

Иран, развивая сотрудничество с Китаем и Россией, демонстрирует, что пересмотрел своё отношение к европейским странам как к возможным посредникам в диалоге с Вашингтоном. Вместо этого он начал больше доверять государствам Персидского залива, которые уже выполняют эту роль. Саудовская Аравия, подобно Оману, выразила готовность стать посредником в переговорах между США и Ираном по вопросу разработки нового соглашения о ядерной программе⁶². Это событие отражает существенные изменения в сфере безопасности в регионе Персидского залива, особенно в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном.

⁵⁷ Azizi H. 2023. Iran's Policy and Its Relations with China and Russia. *The Middle East Council on Global Affairs (ME Council)*. 14.09. URL: <https://mecouncil.org/publication/irans-policy-and-its-relations-with-china-and-russia-me-council/> (accessed 30.01.2025).

⁵⁸ Iran's President Visits Saudi Arabia for the First Time since the Two Mended ties. 2023. *New York Times*. 11.11. URL: <https://www.nytimes.com/2023/11/11/world/middleeast/irans-president-visits-saudi-arabia-for-the-first-time-since-the-two-mended-ties.html> (accessed 30.01.2025).

⁵⁹ China-Brokered Saudi-Iran Deal Driving 'Wave of Reconciliation', says Wang. 2023. *Al Jazeera*. 21.08. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/8/21/china-brokered-saudi-iran-deal-driving-wave-of-reconciliation-says-wang> (accessed 30.01.2025).

⁶⁰ Martyrdom in the Line of Duty. 2024. *Tehran Times*. 20.05. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/498743/Martyrdom-in-the-line-of-duty> (accessed 30.01.2025).

⁶¹ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. 2025. *Официальном сайт Президента России*. 17.01. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 30.01.2025).

⁶² Saudi Arabia Seeks to Mediate between Trump and Iran on New Nuclear Deal. 2025. *CNN*. 16.02. URL: <https://edition.cnn.com/2025/02/16/middleeast/saudi-arabia-trump-iran-nuclear-deal-intl/index.html> (accessed 30.01.2025).

Когда в марте 2023 г. Иран и Саудовская Аравия договорились восстановить дипломатические отношения, это сближение казалось хрупким⁶³. Однако в настоящее время наблюдается заметное улучшение отношений между Эр-Риядом и Тегераном. Двустороннее взаимодействие между этими странами достигло такого уровня, что они начали реализовывать оборонные проекты⁶⁴.

Принимая во внимание напряжённость, существовавшую между сторонами до того, как отношения были нормализованы благодаря активной поддержке Китая, можно с уверенностью утверждать, что это является наглядным примером успешной дипломатической деятельности Пекина в регионе и определённым индикатором ослабления влияния Вашингтона на Эр-Рияд. С другой стороны, Тегеран остаётся надёжным гарантом от любых попыток Вашингтона ограничить экспорт нефти в Китай в условиях обострения китайско-американского соперничества в Персидском заливе. В отличие от других поставщиков нефти, которые имеют тесные связи в сфере безопасности с США, руководство Ирана сохраняет независимость от американского влияния. Как отметил аятолла Хаменеи, Иран является наиболее надёжным поставщиком энергоносителей в регионе, поскольку на его энергетическую политику никогда не смогут повлиять внешние силы⁶⁵.

Для Исламской Республики особое значение имеет то, что, являясь ключевым экономическим партнёром Ирана и обладая правом вето в Совете Безопасности ООН, Китай способен оказать непосредственное влияние на снижение эффективности американских санкций, которые служат основой для американского давления на иранский режим. В этой связи Вашингтону приходится использовать разнообразные рычаги и дипломатические инструменты, чтобы предотвратить чрезмерное сближение Тегерана и Пекина, а также ограничить сближение Ирана с монархиями Персидского залива, в частности ОАЭ.

Стратегия балансирования ОАЭ между США и Китаем

США остаются наиболее значимым международным партнёром ОАЭ. На протяжении многих лет эти две страны активно взаимодействуют в различных областях, разделяя общие интересы, связанные с обеспечением региональной безопасности, укреплением обороноспособности, развитием экономики, энергетической отрасли, сферы технологий и образования. Однако, несмотря на сохраняющуюся зависимость от Вашингтона в некоторых областях, особенно в сфере безопасности, Эмираты сделали сотрудничество с Китаем своим новым приоритетом, выходящим за рамки энергетической сферы и торговли.

⁶³ Inside Story: Iran-Saudi Dialogue Elevated But Few Expect Investment. 2023. *Amwaj Media*. 16.10. <https://amwaj.media/article/inside-story-iranian-saudi-dialogue-elevated-but-few-expect-investment> (accessed 30.01.2025).

⁶⁴ Iran Announces First Joint Military Drills with Saudi Arabia in Red Sea. 2024. *Middle East Eye*. 23.10. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/iran-announces-first-joint-drills-saudi-arabia-red-sea> (accessed 30.01.2025).

⁶⁵ Khamenei Calls for Security Cooperation with China, Says U.S. Not to Be Trusted. 2016. *Reuters*. 23.01. URL: <https://www.reuters.com/article/iran-china-khamenei-idINL8N1570HR>. (accessed 30.01.2025).

ОАЭ в 2012 г. стали первым государством Персидского залива, установившим стратегическое партнёрство с Китаем. Благодаря этому двустороннее сотрудничество стало быстро расти. В ходе визита в Пекин наследного принца Абу-Даби шейха Мухаммеда бен Заида в декабре 2015 г. стороны пришли к соглашению о том, что, будучи стратегическими партнёрами, связанными узами искреннего доверия, они должны совместно отстаивать и продвигать общие интересы в региональных и глобальных вопросах в условиях беспрецедентных перемен, происходящих в мире⁶⁶.

Государственный министр ОАЭ султан Ахмед Аль Джабер в 2017 г. посетил первый Форум инициативы «Один пояс, один путь» в Пекине. По возвращении он выразил уверенность в том, что китайский проект представляет собой «мост, соединяющий наше общее будущее»⁶⁷.

В следующем году Си Цзиньпин был торжественно принят в Абу-Даби, где было заключено около десятка двусторонних соглашений в различных областях, включая энергетику, технологии, финансы и культуру⁶⁸. Эмираты стремились стать ключевым партнёром Пекина в регионе Персидского залива. Китайско-эмиратские отношения стали инструментом диверсификации внешней политики ОАЭ и охватывают множество программ сотрудничества, включая управление портовой инфраструктурой, развёртывание сети 5G и поставки оружия.

Абу-Даби выбрал в 2019 г. Huawei для обеспечения развёртывания сети 5G. Это решение стало частью цифровой стратегии ОАЭ, которая с 2016 г. полагается на китайских операторов в управлении сетями, будь то финансовые учреждения или электроэнергетическая инфраструктура страны. Западные эксперты выражают опасения относительно того, что такой выбор может представлять угрозу для национальной критической инфраструктуры Эмиратов, а также затруднять обмен разведывательной информацией и проведение оборонной интеграции с США (Nouwens 2025).

На фоне расширения торгово-экономических отношений между ОАЭ и КНР следует отметить укрепление их военно-технического сотрудничества. В последнее время отмечается рост закупок китайского вооружения. Так, с 2013 г. Абу-Даби приобрёл около 50 беспилотных летательных аппаратов двух типов, 500 противотанковых ракет, а также некоторые образцы гаубиц и ракетных систем⁶⁹.

⁶⁶ Full text of Chinese President Xi's signed article on UAE media. 2018. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 18.07. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2018zt/xgswfcxjxgjmlqs/202406/t20240606_11380513.html (accessed 30.01.2025).

⁶⁷ Jaber S. 2017. Belt and Road is a Bridge to Our Common Future. *The National*. 13.05. URL: <https://www.thenationalnews.com/opinion/belt-and-road-is-a-bridge-to-our-common-future-1.78698> (accessed 30.01.2025).

⁶⁸ China, UAE Agree to Lift Ties to Comprehensive Strategic Partnership. 2018. *Xinhua*. 21.07. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-07/21/c_137338423.htm (accessed 30.01.2025).

⁶⁹ SIPRI Arms Transfers Database. The Military Balance 2021. 2021. *International Institute for Strategic Studies*. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed 30.01.2025).

Эти поставки не могут быть сопоставлены с американскими ни по масштабам, ни по качеству. Тем не менее они являются свидетельством постепенного укрепления позиций китайских производителей на рынке оборонной продукции ОАЭ. В руководстве Эмиратов вынуждены констатировать, что «Америка по-прежнему остаётся нашим ключевым стратегическим союзником, в то время как Китай является нашим основным экономическим партнёром»⁷⁰.

В отношениях между ОАЭ и Китаем существуют сферы, которые вызывают разногласия между Вашингтоном и Абу-Даби. В первую очередь это касается сотрудничества в области безопасности и обороны с Пекином. Для США Эмираты остаются ключевым партнёром в сфере обороны для обеспечения безопасности в регионе Ближнего Востока, Восточной Африки и Индийского океана. Это предусмотрено планами военного сотрудничества в целях обеспечения оперативной совместимости⁷¹. Между ними заключены⁷²: Соглашение о всеобщей безопасности военной информации 1987 г., Соглашение о закупках и взаимном обслуживании 2006 г. и Соглашение о сотрудничестве в области обороны 2019 г.

На авиабазе Аль-Дафра дислоцированы около 3500 американских военнослужащих и расположен Центр боевых действий в Персидском заливе, который ежегодно проводит подготовку по противовоздушной и противоракетной обороне для 2000 участников из 10 стран Ближнего Востока⁷³. ОАЭ зависят от США в вооружении. Прошли времена, когда американские оборонные компании продавали устаревшее оружие. Недавние продажи включают: самолёты F-35 Joint Strike Fighter, беспилотные летательные аппараты MQ-9B, ракеты THAAD и Patriot. С 2016 г. США разрешили прямой экспорт оборонной продукции в ОАЭ через коммерческие продажи (DCS)⁷⁴.

Вместе с тем Эмираты стремятся к поиску альтернативы американским вооружениям, помимо Китая, в других странах. Франция и ОАЭ тесно сотрудничают с 2001 г. В 2009 г. Франция открыла военно-морскую базу в порту Заид в Абу-Даби. Французские военные самолёты базируются на авиабазе Аль-Дафра недалеко от Абу-Даби, где также присутствуют несколько тысяч американских военных. Франция укрепила свои позиции в Персидском заливе, осуществляя поставки 80 боевых самолётов Rafale в ОАЭ в рамках сделки на сумму 25,6 млрд долл., подписанной в декабре 2021 г.⁷⁵.

⁷⁰ Fattah Z. 2021. Top UAE Official Warns on Risk of 'Cold War' between China, US. *Bloomberg*. 02.10. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-02/top-uae-official-warns-on-risk-of-cold-war-between-china-u-s> (accessed 30.01.2025).

⁷¹ *ibid*

⁷² U.S. Security Cooperation with the United Arab Emirates. 2025. *Bureau of Political-Military Affairs*. 20.01. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-the-united-arab-emirates/> (accessed 30.01.2025).

⁷³ *ibid*

⁷⁴ *ibid*

⁷⁵ France Signs Multi-Billion-Dollar Deal to Supply United Arab Emirates with New Rafale Warplanes. 2021. *ABC NEWS*. 03.12. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-12-03/france-uae-sign-billion-dollar-weapons-deal/100674026> (accessed 30.01.2025).

Руководство ОАЭ осознает, что тесное военное сотрудничество с Вашингтоном, особенно в вопросах морской безопасности, может иметь негативные последствия для их политики дезэскалации в отношении Ирана. В июне 2023 г. принято решение о выходе страны из состава Объединённых военно-морских сил, возглавляемых США, которые были созданы для обеспечения безопасности в водах Персидского залива. Это решение стало свидетельством продолжающихся разногласий с Соединёнными Штатами в вопросах обеспечения безопасности в регионе Персидского залива⁷⁶.

Несмотря на то что ОАЭ и Иран поддерживают дипломатические отношения и имеют обширные экономические связи, нет оснований утверждать, что Абу-Даби полностью отказался от конфронтации с Тегераном. Например, подписание в августе 2020 г. соглашения о нормализации дипломатических отношений между Израилем и ОАЭ⁷⁷, инициированного администрацией Трампа и известного как «соглашение Авраама», в некоторой степени можно рассматривать как стремление Эмиратов к стратегическому сотрудничеству с Израилем в целях противодействия Ирану. С тех пор израильско-эмиратские торговые, военные и дипломатические связи значительно расширились, и в мае 2022 г. Израиль и ОАЭ подписали соглашение о свободной торговле⁷⁸.

После серии нападений ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. и последовавшей за этим войны в секторе Газа ОАЭ сохраняют дипломатические отношения с Израилем, присоединившись к призывам других стран к прекращению огня. Эмираты являются одним из крупнейших поставщиков гуманитарной помощи для преодоления кризиса в секторе Газа и также выражают готовность сыграть заметную роль в послевоенном восстановлении палестинского анклава⁷⁹.

Несмотря на то, что ОАЭ имеют всестороннее партнёрство с Китаем, их военная зависимость от Соединённых Штатов всё ещё остаётся значительной. Этот дисбаланс вызывает сомнения в способности Абу-Даби проводить независимую политику и может привести к неустойчивости их позиции в будущем, особенно в условиях нарастающего соперничества между КНР и США в регионе Персидского залива.

Стратегическое партнёрство является одним из многих признаков того, что Китай не только экономически инвестирует в ОАЭ, но и политически. Однако США также уже давно являются важнейшим партнёром Абу-Даби в сфере

⁷⁶ UAE Withdraws from US-led Maritime Coalition. 2023. *Middle East Eye*. 31.05. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/uae-withdraws-us-led-maritime-coalition> (accessed 30.01.2025).

⁷⁷ Around-the-halls: Experts Analyze the Normalization of Israel-UAE Ties. 2020. *Brookings*. 13.08. URL: <https://www.brookings.edu/articles/around-the-halls-experts-analyze-the-normalization-of-israel-uae-ties/> (accessed 30.01.2025).

⁷⁸ Israel Signs First Arab Free Trade Agreement with UAE. 2022. *Al Jazeera*. 31.05. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2022/5/31/israel-signs-major-trade-deal-with-uae> (accessed 30.01.2025).

⁷⁹ UAE Emphasises Need for Comprehensive Strategic Approach to Resolve Israeli-Palestinian Conflict. 2024. *Ministry of Foreign Affairs of the UAE*. 12.06. URL: <https://www.mofa.gov.ae/en/mediahub/news/2024/6/12/12-6-2024-uae-gaza> (accessed 30.01.2025).

безопасности. В основе их союзных отношений лежит обеспокоенность Эмиратов угрозой со стороны Ирана, влияние которого, как считается, ограничивается американским присутствием в Персидском заливе.

В этих условиях ОАЭ пытаются защитить свои интересы на фоне растущего соперничества сверхдержав, поддерживая связи как с Вашингтоном, так и с Пекином для реализации своих стратегических и экономических амбиций. Рост влияния Китая — это не только результат его усилий, но и существенный геополитический сдвиг, который свидетельствует о переходе к многополярности в регионе. Несмотря на свою приверженность сотрудничеству с США, ближневосточные страны активно расширяют круг своих партнёров в области безопасности, экономики и дипломатии.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что стратегическое соперничество между США и КНР не может быть однозначно интерпретировано как формирование биполярной системы. Усиление позиций Пекина в регионе Персидского залива является не только результатом его собственной политики, но и важной геополитической тенденцией, которая свидетельствует о формировании многополярности в данном регионе.

Несмотря на свою приверженность сотрудничеству с США, страны Ближнего Востока активно расширяют круг своих партнёров, стремясь избежать однозначного выбора между Соединёнными Штатами и Китаем. Они выступают за большую самостоятельность, сохраняя при этом вынужденную зависимость от Вашингтона в вопросах обороны и безопасности.

Интерес Китая к региону изначально имел преимущественно экономический характер, однако со временем он приобретает всё более стратегическое значение. За последние два десятилетия Китай инвестировал значительные экономические, политические и дипломатические ресурсы в формирование прочных партнёрских отношений со странами Персидского залива. Регион превратился в неотъемлемый компонент внешней политики Китая и значимый узел в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Ирано-саудовское противостояние является одним из наиболее примечательных примеров, в которых Пекин, несмотря на обладание значительными политическими и экономическими рычагами, предпочёл роль посредника, воздерживаясь от какой-либо существенной формы поддержки одной из сторон. Пекин стремится к стратегическому равновесию в отношениях с обоими государствами, что позволяет сохранять китайское влияние в обеих странах.

Отношения между Китаем, США и Ираном представляют собой сложный стратегический треугольник, в котором Вашингтон играет значительную роль и оказывает влияние на взаимодействие между двумя другими участниками.

Принятие СВПД помогло снять ограничения с Ирана и Китая и создало относительно благоприятную среду для обеих стран, способствуя укреплению экономических, политических и стратегических связей.

США на протяжении длительного времени выступают в качестве ключевого союзника ОАЭ в области обеспечения безопасности. В основе этого партнёрства лежит обеспокоенность Абу-Даби угрозой, исходящей от Ирана, влияние которого, как предполагается, минимизируется благодаря американскому присутствию в Персидском заливе. В то же время ОАЭ заинтересованы в стратегическом партнёрстве с Китаем как на двусторонней основе, так и в более обширном региональном масштабе, несмотря на продолжающееся соперничество между Китаем и США.

Арабские монархии Персидского залива видят в Китае альтернативную державу, которая не обременена колониальным прошлым на Ближнем Востоке и не связана с историей военных вторжений и смены правительств. Политический и экономический подъём Китая в регионе не является просто побочным продуктом снижения западного влияния. Скорее, нынешнее стратегическое положение Пекина в регионе является результатом многолетнего целенаправленного планирования и реализации политики для продвижения внешних и внутренних национальных интересов Китая.

Для США эта меняющаяся динамика представляет собой опасность потери влияния, имеющего решающее значение для их внешнеполитических целей в регионе. Тот факт, что страны Персидского залива более не готовы мириться с дисбалансом в отношениях с внешними державами в той же мере, что и ранее, свидетельствует о том, что Вашингтон теперь вынужден соперничать с Пекином за сохранение своего традиционного регионального влияния, которое американские политики долгое время считали само собой разумеющимся.

С другой стороны, руководство КНР осознаёт стратегические перспективы, которые открывает меняющаяся ситуация в ближневосточных странах, и предпринимает активные шаги, чтобы занять выгодное положение, обеспечивающее долгосрочные геополитические и экономические преимущества. Китай демонстрирует стратегический подход, который включает в себя налаживание обширных двусторонних связей со всеми государствами Персидского залива, взаимодействие с ними через многосторонние платформы, такие как Форум сотрудничества Китай – Арабские государства, и интеграцию своей политики с внешнеполитическими инициативами Пекина, включая БРИКС, ШОС и инициативу «Один пояс, один путь».

Меры, предпринятые на международной арене администрацией Дональда Трампа в начальный период его второго президентского срока, позволяют предположить, что кардинальные и быстрые изменения, в первую очередь обусловленные пересмотром традиционных позиций Соединённых Штатов, могут стать новой нормой, по крайней мере, на ближайшие четыре года. В 2025 г.

наибольшую неопределённость в отношениях между Китаем и США может вызвать противоречивость позиции Вашингтона, спровоцированная внутри-политической борьбой в Америке.

В обозримом будущем отношения между Китаем и США вряд ли вернутся к той глубине взаимодействия и уровню сотрудничества, которые наблюдались в начале XXI в. Однако долгосрочные интересы и стратегические соображения обеих стран диктуют необходимость избегать войны и поддерживать определённый уровень экономического сотрудничества и международного взаимодействия.

При этом нет сомнений в том, что руководство США продолжит политику стратегического соперничества с КНР на Ближнем Востоке. В частности, это будет выражаться в давлении на монархии Персидского залива с целью ограничения дальнейшего роста китайского влияния. Ключевой вопрос заключается в том, насколько далеко Вашингтон будет готов пойти в региональном противостоянии с Китаем, а также как это отразится на жёстком отношении к Пекину, которое сейчас преобладает в Вашингтоне.

Об авторе:

Николай Николаевич Бобкин – кандидат военных наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН), 121069, Российская Федерация, Москва, Хлебный пер., 2/3.

E-mail: nnbobkin@rambler.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.5:327.82(73+510:536)

Received: February 20, 2025

Accepted: June 11, 2025

China–US Rivalry and Security Dynamics in the Persian Gulf

N.N. Bobkin

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-110-136](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-110-136)

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

Abstract: China's growing strategic and economic interests, coupled with its need for stable energy supplies, have deepened engagement with the Gulf states. This emerging relationship extends beyond trade to include investment, infrastructure initiatives, and political

partnerships, forming a complex architecture of interdependence. At the same time, the weakening of the United States' position has begun to alter the regional balance of power. Despite their long-standing security reliance on Washington, Gulf monarchies increasingly seek to avoid binary choices between the United States and China, pursuing greater autonomy in their foreign policies. This article examines how the evolving U.S.–China rivalry shapes international relations and security in the Persian Gulf. It first assesses the transformation of U.S. strategic thinking on competition with China and analyzes the principles of Beijing's foreign policy that underpin its rising influence in the subregion. The study then explores how Saudi–Iranian tensions affect China's regional strategy and, in turn, Washington–Beijing relations. Special attention is given to the United Arab Emirates' strategy of balancing its ties with both powers while consolidating its role as a regional leader. The analysis demonstrates that China is consolidating its position in the Gulf through deliberate policy choices as well as broader geopolitical trends reflecting the emergence of multipolarity. While Gulf states seek to preserve independence by diversifying external partnerships, they remain dependent on the United States in defense and security. The article concludes that the Gulf has become a key arena of great-power competition, where Beijing's growing presence and Washington's enduring security role interact to reshape the regional order.

Keywords: US-China strategic rivalry, bipolarity and multipolarity, regional relations, Gulf states, Iran, security

About the author:

Nikolay N. Bobkin – Candidate of Sciences (Military), Associate Professor, Senior Researcher Fellow Center for Military-Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 121069, 2/3 Khlebnyy per., Moscow, Russian Federation. E-mail: nnbobkin@rambler.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Alterman Dj. 2024. China's US-Driven Middle East Strategy. *The Washington Quarterly*. 47(3). P. 7–24.
- Blackwill R., Fontaine R. 2024. The U.S. Pivot to Asia and American Grand Strategy. *The Center for International Relations and Sustainable Development (CIRSD)*. Autumn, 2024. URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-autumn-2024--issue-no-28/the-us-pivot-to-asia-and-american-grand-strategy> (accessed 30.01.2025).
- Borck T. 2021. The Gulf States and the Iran Nuclear Deal: Between a Rock and a Hard Place. *The Royal United Services Institute*. 29.11.2021. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/gulf-states-and-iran-nuclear-deal-between-rock-and-hard-place> (accessed 30.01.2025).
- Cook St. 2021. Major Power Rivalry in the Middle East. Discussion paper series. Council on Foreign Relations. Center for Preventive Action. New York. URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/dp-cook-final-interior-and-exterior_0.pdf (accessed 30.01.2025).
- Fardella E., She G. 2024. The Role of the Gulf in the Longue Durée of China's Foreign Policy. *Middle East Policy*. 31(1). P. 50–65. DOI: 10.1111/mepo.12734
- Fulton J. 2018. *China's Relations with the Gulf Monarchies* (1st ed.). Routledge. P. 212. DOI: 10.4324/9781315142678

Fulton J. 2021. China between Iran and the Gulf Monarchies. *Middle East Policy*. 28(3–4). Fall-Winter 2021. P. 203–216. DOI: 10.1111/mepo.12589

Gao H., Liu S. 2020. China's Middle East Major Country Diplomacy against the Background of Upheaval in the Middle East. Center for Strategic and International Studies (CSIS). *Interpret: China. Source: West Asia and Africa*. May 01. URL: <https://interpret.csis.org/translations/chinas-middle-east-major-country-diplomacy-against-the-background-of-upheaval-in-the-middle-east/> (accessed 30.01.2025).

Lynch M. 2024. The United States and the Middle East. *World Affairs Councils of America*. URL: https://worldaffairsCouncils.org/wp-content/uploads/1_Mideast.pdf (accessed 30.01.2025).

Niu X. 2021. Analysis of China's Interests and Influence in the Middle East. Zhang, Y., Shao, B. (eds). *China's International Relations. Research Series on the Chinese Dream and China's Development Path*. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-16-4679-9_12

Niu X. 2022. Coexistence with the United States: New Challenges in China's Middle East Policy. Center for Strategic and International Studies (CSIS). *Interpret: China. Source: Contemporary International Relations*. November 01. URL: <https://interpret.csis.org/translations/coexistence-with-the-united-states-new-challenges-in-chinas-middle-east-policy/> (accessed 30.01.2025).

Niu X. 2025. The Driving Force of China's Middle East Policy: Great Power Competition or Regional Cooperation. *West Asia and Africa*. 03.02. URL: <https://www.chinaaffairsplus.com/p/the-driving-force-of-chinas-middle> (accessed 15.02.2025).

Nouwens M. (ed.). 2021. China's Digital Silk Road: Integration into National IT Infrastructure and Wider Implications for Western Defense Industries. *International Institute for Strategic Studies*. February. P. 28–30. URL: <https://www.iiss.org/research-paper//2021/02/china-digital-silk-road-implications-for-defence-industry> (accessed 30.01.2025).

Rhoades A., Treyger E. 2023. Great-Power Competition and Conflict in the Middle East. *RAND Corporation*. Santa Monica. Calif. Jun 01. 2023. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR969-3.html (accessed 30.01.2025).

Wendt A. 1992. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*. 46(2). P. 391–425.

Winkler S. 2023. Strategic Competition and US–China Relations: A Conceptual Analysis. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 16. Autumn. P. 333–356. DOI: 10.1093/cjip/poad008.

Zhao S. 2021. The US–China Rivalry in the Emerging Bipolar World: Hostility, Alignment, and Power Balance. *Journal of Contemporary China*. 31(134). P. 169–185. DOI: 10.1080/10670564.2021.1945733

Zoellick R. 2020. *America in the World: A History of U.S. Diplomacy and Foreign Policy*. Grand Central Publishing. P. 560. ISBN: 9781538712375.

Bobkin N.N. 2024. Sopernichestvo mezhdru SShA i Kitaem na Blizhnem Vostoke: posledstviya dlya regional'noy i global'noy politiki [US-China Rivalry in the Middle East: Implications for Regional and Global Politics]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 1(649). P. 18–34. DOI: 10.31857/S2686673024010021. (In Russian).

Istomin I.A. 2024. Pochemu SShA ne napadayut na Kitay? Tuman budushchego i istoricheskii optimizm v politike velikikh derzhav [Why the US Doesn't Attack China? Fog of the Future and Historical Optimism in Great Power Politics]. *Sravnitel'naya politika*. 15(1). P. 62–94. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-62-94. (In Russian).

Kosach G.G. 2019. Saudovskaya Araviya: transformatsiya vlasti i politiki [Saudi Arabia: Transformation of Power and Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 63(4). P. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59- (In Russian).

Kosach G.G. 2021. Vo imya natsional'nykh interesov: vneshnyaya politika Saudovskoy Aravii posle «arabskoy vesny» [In the Name of National Interest: Saudi Arabia's Foreign Policy after the Arab Spring]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 13(4). P. 131–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161. (In Russian).

Luzyanin S.G., Alekseeva Yu.N. 2024. Geopoliticheskie i investitsionnye izmereniya politiki Kitaya na Blizhnem Vostokey. [Geopolitical and Investment Dimensions of China's Policy in the Middle East]. *Aziya i Afrika segodnya*. №7. P. 24–31. DOI: 10.31857/S032150750031364-2. (In Russian).

Savicheva E.M., Brebdani A.M., Ryzhov I.V. 2022. Kitay i strany Soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva: ot ekonomicheskikh sdelok k strategicheskomu partnerstvu [China and the Gulf Cooperation Council: From Economic Deals to Strategic Partnership]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 22(1). P. 180–196. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196. (In Russian).

Surkov N.Yu. 2022. Strategicheskie al'ternativy vo vneshney politike Saudovskoy Aravii. Sravnitel'nyy analiz otnosheniy Er-Riyada s Vashingtonom, Pekinom i Moskvoy [Strategic Alternatives in Saudi Arabia's Foreign Policy. A Comparative Analysis of Riyadh's Relations with Washington, Beijing, and Moscow]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 20(3(70)). P. 95–111. DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.2. (In Russian).

Tyukaeva T.I. 2024. Vzglyad monarkhiy zaliva na transformatsii mirooustroystva i mesto Rossii v nem.[The Gulf Monarchies' View on the Transformation of the World Order and Russia's Place in It]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 68(5). P. 49–60. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Бобкин Н.Н. 2024. Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке: последствия для региональной и глобальной политики. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 1(649). С. 18–34. DOI: 10.31857/S2686673024010021.

Истомин И.А. 2024. Почему США не нападают на Китай? Туман будущего и исторический оптимизм в политике великих держав. *Сравнительная политика*. 15(1). С. 62–94. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-62-94.

Косач Г.Г. 2019. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(4). С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-

Косач Г.Г. 2021. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны». *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 13(4). С. 131–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.

Лузянин С.Г., Алексеева Ю.Н. 2024. Геополитические и инвестиционные измерения политики Китая на Ближнем Востоке. *Азия и Африка сегодня*. №7. С. 24–31. DOI: 10.31857/S032150750031364-2.

Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В. 2022. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 22(1). С. 180–196. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196

Сурков Н.Ю. 2022. Стратегические альтернативы во внешней политике Саудовской Аравии. Сравнительный анализ отношений Эр-Рияда с Вашингтоном, Пекином и Москвой. *Международные процессы*. 20(3(70)). С. 95–111. DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.2.

Тюкаева Т.И. 2024. Взгляд монархий Залива на трансформации мироустройства и место России в нём. *Мировая экономика и международные отношения*. 68(5). С. 49–60. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60.